

Об употреблении нелитературных средств в художественных текстах (на материале произведений М. Шолохова)

Д. А. Яськов

Неотъемлемой составляющей художественного текста является его эмоционально-экспрессивная окрашенность, которая максимально реализуется в речи персонажей, в том числе в диалогах. Под экспрессивностью понимается «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [1, с. 591]. Естественно, что подобное отношение, будучи категорией субъективной, может обладать как положительной, так и отрицательной коннотацией, под которой понимается «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узального или окказионального характера» [1, с.236].

В художественном тексте используются различные языковые средства, позволяющие автору передать то или иное состояние человека, – собственно-просторечные, грубовато-просторечные, грубо-просторечные, в том числе нецензурная лексика (вулгаризмы).

М. А. Шолохов описывает переломные, кровавые периоды жизни Советской России. Это революция, Гражданская война, коллективизация, переданные с точки зрения простых людей – казаков и крестьян. Человек, находящийся на грани жизни и смерти, не сдерживает свои эмоции, не ограничивает себя в употреблении соответствующих выражений. Поэтому использование в художественных текстах Шолохова нецензурной (или «околоцензурной») лексики представляется не только обоснованным, но и служащим созданию реалистичности художественного произведения, законченности и целостности речевого поведения литературных персонажей.

Рассматриваемый в данной работе материал представляет собой в большинстве случаев негативную вербальную реакцию персонажей произведений Шолохова на ситуацию или поступки (речевое поведение) собеседника. Характеризуются наиболее близкие к матерной брани устойчивые выражения инвективного характера, включающие в свой состав компонент *мать*. Необходимо отметить функциональные отличия подобных выражений в контексте произведений М. А. Шолохова от матерной брани в историческом аспекте, которую этнолингвистический словарь «Славянские древности» характеризует следующим образом: «Специфика матерной брани состоит в том, что, с одной стороны, она табуирована, с другой – ритуализована, в частности, в семейных, календарных и земледельческих обрядах. В целом у славян матерная брань оценивается как черта мужского поведения [...]. Особый тип брани – матерные формулы, включающие глагол *futuera* и направленные на мать адресата, реже на него самого. Субъектом действия является обычно говорящий; иногда в качестве субъекта указывается пес» [2, с. 252].

Подобные обороты, употребленные в художественных текстах Шолохова, утрачивают внутреннюю мифологическую направленность, что превращает их лишь в средство выражения отрицательных эмоций. Субъект речи, использующий подобные стилистически сниженные выражения в ситуации высокого эмоционального напряжения, не задумывается об их истинном значении, почти автоматически передавая то, что он чувствует в данный момент.

Кроме того, данные выражения тем или иным образом смягчаются при помощи ассоциативной замены, эллиптизаций наиболее грубых компонентов, юмористического переосмысления прямого значения оборотов.

Наиболее часто в произведениях М.А. Шолохова встречаются устойчивые выражения

с компонентом *мать* в форме винительного падежа, в том числе в сочетании с притяжательным местоимением *твою*, что подчеркивает намерение оскорбить собеседника, если оборот направлен не на ситуацию, а на характеристику собеседника:

– Тут и так коротко отмеряно человеку в жизни пройтись, а тут надо и этого срока лишаться... Тудыть твою мать с такой забавой! Убьют, так пуцай уж скорее (Тихий Дон).

– Где бываешь, говорю?!

– В клубе...

– А-а-а... в клубе? А этого ты не пробовал, так твою мать?! (Поднятая целина).

Как видим, в данных контекстах наиболее грубые компоненты заменяются эвфемизмом *тудыть* или нейтральным словом *так*.

Выражения, в состав которых входит слово *мать*, могут также характеризовать отношение человека к ситуации в целом, а не к отдельной личности.

Петька уронил подсумок с патронами, обернулся поднять – и ахнул: с той стороны участка стройными колоннами спускались всадники. У переднего, ветром перехваченное, как подшибленное крыло птицы, трепыхалось черное знамя.

– Ах, мать твою!..

– Бог любил! – подсказал Григорий, а у самого прыгнули губы и серым налетом покрылось лицо (Донские рассказы).

В данном случае персонажи рассказа М. А. Шолохова «Путь-дороженька» находятся в смертельной опасности, и смягченное продолжение нецензурного выражения Григорий произносит автоматически, неосознанно, что подчеркивается путем описания его физиологической реакции на появление угрозы.

В художественных произведениях встречаются также устойчивые словосочетания, основанные на фонетическом сходстве более грубого и менее грубого компонентов.

А на ночевке позвал к себе сотенный, рябой матрос Кирюха-гармонист, – сказал, помахивая маузером:

– Ты, в гроб твою мать, так и разэтак, если еще раз пикнешь насчет политики – прикажу поднять у тачанки дышло и повесить тебя, сучкинова сына, вверх ногами... Понял? (Донские рассказы).

В текстах М. А. Шолохова отмечены различные варианты переосмысления фонетического сходства компонентов устойчивых словосочетаний. В качестве иллюстрации приведем следующий пример, в котором замена нецензурного компонента обусловлена тем, что субъектом речи является женщина:

– Замолчи, дура! Чего орешь? Заплатим за твоего шелудивого!..

– Нечистый дух!.. Чертяка!.. Сам ты шелудивый, кобель хромой!.. Вот к атаману тебя зараз!.. – горланила она, махая руками. – Я тебя, узду твою мать, научу, как сиротскую животину давить!.. (Тихий Дон).

Ассоциативная замена может быть основана на понятии кровного родства между матерью и сыном, что подчеркивается употреблением соответствующего компонента устойчивого оборота:

– Держись!.. Тачанок не кидать!.. К перелеску... К перелеску, в кровину мать! – кричал атаман, привстав на стременах (Донские рассказы).

В рассматриваемые выражения могут включаться компоненты, связанные с представлениями о болезни, заразе. Поставленные в один смысловой ряд с понятием «мать», подобные компоненты значительно усиливают выражение негативных эмоций по отношению к кому-либо:

Вот и станица, разметавшая по краям седые космы левад, словно баба в горячке. Когда свернули в первый проулок, Яков с перекошенным, побелевшим лицом рванул веревку, вилля по снегу, кинулся в левады. Дед Александр и Петька следом. Все врозь. Сзади крик:

– Стой, стой, в заразу мать!.. (Донские рассказы).

Устойчивые словосочетания, связанные с представлениями о божбе и включающие в свой состав соответствующие компоненты, являются значительно более поздними по происхождению и связаны с христианизацией Руси. Чрезвычайно тяжелая ситуация, связанная с

глубочайшими потрясениями, в определенной мере оправдывает необходимость употребления подобных выражений. В одном из самых драматичных эпизодов романа «Тихий Дон» – сцене убийства Григорием Мелеховым матросов – речь этого персонажа, переживающего переломный период в своей жизни, осознавшего суть своего преступления и просящего поэтому своих товарищей убить себя, закономерно включает нецензурную лексику:

Рыдая, сотрясаясь от рыданий, он, как собака, стал хватать ртом снег, уцелевший под плетнем. Потом, в какую-то минуту чудовищного просветления, попытался встать, но не смог и, повернувшись мокрым от слез, изуродованным болью лицом к столпившимся вокруг него казакам, крикнул надорванным, дико прозвучавшим голосом:

– Кого же рубил!.. – И впервые в жизни забился в тяжчайшем припадке, выкрикивая, выплевывая вместе с пеной, заклубившейся на губах: – Братцы, нет мне прощения!.. Зарубите, ради бога... в бога мать... Смерти... предайте!.. (Тихий Дон).

Обратим при этом внимание на ключевые словосочетания, использованные Шолоховым для передачи эмоционального состояния Григория: *как собака, изуродованное болью лицо, дико прозвучавший голос.*

Компонент *мать* в следующих устойчивых словосочетаниях заменен субстантивированными местоимениями *твою, вашу*. Это смягчает бранный характер подобных оборотов, употребленных, в том числе, в речи священнослужителя:

Поп тут осерчал, слов нет, ажник зеленый с лица стал, как зашипит потихоньку, чтоб ближние старухи не слышали: «Так чего же ты, тудыт твою, молчишь, как столб?» Да ка-а-к дубнет Демида промеж глаз малым подсвечником! (Поднятая целина).

Разговор двух союзников, хотя и относящихся друг к другу с неприязнью, также может включать в свой состав такие смягченные выражения:

– Самовольничать не смей. Это само-у-правство!

– Я тебе, в гроб твою, посамовольничаю! Я вот вызову зараз свой полк из-под Каргинской, так аж черт вас тут возьмет! (Тихий Дон).

Опущение наиболее грубых компонентов инвективного выражения происходит и в том случае, если человек не способен полностью контролировать свою речь:

Палец с ногтем выпуклым, как палец черепахи, Пахомыч поднял, выдавил, судорожно переводя дух:

– Н-но, растаку вашу... Хучь погибнем мы, хучь и добро прахом пойдет, а вам... памятку вложат. Не ваша правда! (Донские рассказы).

Возможно использование «смягченных» по форме оборотов с субстантивированным местоимением *твою* для выражения легкого недовольства, досады:

– Кончай, дед! К делу не относящийся твой рассказ, – сурово приказал Давыдов.

– Он зараз отнесется, вот-вот перейдет к делу. Это толечки приступ. Ишо один секунд! Перебили... Ах, едрить твою за кочан! Забыл, об чем речь шла!.. (Поднятая целина).

Следующие выражения включают в свой состав компонент *мать* в форме именительного падежа. Суть «внутренней логики» подобных оборотов заключается в отождествлении матери с нечистой силой. Однако употребляются подобные конструкции по отношению к ситуации, что говорит об утрате ими первоначального мифологического значения:

– Эй, Степа, заблудил? – крикнул, равняясь, Аникушка.

– Заблудил, мать его черт!.. Об пенек вдарило сани под раскат – полоз пополам. Пришлось вернуться (Поднятая целина).

Возможно и юмористическое переосмысление подобных выражений, когда они употребляются для характеристики позитивных, благоприятных ситуаций:

– Хороша водка, мать ее курица! Как николаевская (Тихий Дон).

Следующая группа устойчивых словосочетаний включает в свой состав компонент *мать* в форме дательного падежа. Это подчеркивает оскорбительность подобных оборотов по отношению к собеседнику.

Засло Пантелея Прокофьевича, крикнул, багровея:

– Халява!

– Турка проклятый!.. – с живостью отозвалась Озерова.

– Сука, сто чертов твоей матери! – повысил басок Пантелей Прокофьевич (Тихий Дон).

Такие обороты фактически означают пожелание беды матери собеседника, однако подобное значение, как и в других случаях, в значительной степени утрачено в тексте художественных произведений:

– Чего это ты, старая карга, наряжаться вздумала? Ах, фитин твоей матери! И кому ты нужна, чертяка облезлая? (Тихий Дон). Сравн.: *фитина* ‘беда, грех, проступок’ (Даль 4, с. 535).

Кроме того, подобные выражения могут означать пожелание болезни матери собеседника: *Минуту спустя его позвали.*

– В угловую комнату живее иди, трясця твоей матери... (Донские рассказы).

Приведенные слова адресованы взятому в плен белогвардейцами советскому политработнику, что означает серьезность произносимой матерной брани, связанной с пожеланием болезни. Сравн.: *трясця* ‘гнетучка, кумоха, лихорадка’ (Даль 4, с. 439).

Эмоционально-экспрессивные выражения инвективного характера, используемые в качестве обстоятельства степени, усиливают образность и выразительность речи персонажей М. А. Шолохова:

– С мальства моя жизнь пошла наперекосяк, да и так до последних времен. Меня ку-быть ветром несло всю жизнь, и то скособочит, то вдарит об какой предмет, а то и вовсе к ядрене матери ушибет (Поднятая целина).

Устойчивые словосочетания с компонентом *мать* могут выступать в качестве отсылки, обозначая «места отсылки адресата – «чужое» пространство, особенно подверженное воздействию нечистой силы, локусы мифологических персонажей» [2, с. 252]. В этом отношении интересна довольно распространенная версия о происхождении оборота *показать кузькину мать*, согласно которой данное выражение «основано на угрозе познакомить с матерью лешего, черта» [7, с. 369]. «Фразеологический словарь русского литературного языка» фиксирует лишь одно грубо-просторечное выражение, включающее в свой состав слово *мать*: к едрёной (чертовой) матери ‘прочь, долой, вон (гнать, прогонять)’ (ФСРЛЯ, 368); фразеологизм к чертовой матери используется для выражения злобы, презрения, пренебрежения (ФСРЯ, с. 423).

– Заместо того, чтоб хныкать да к власти под подол, как дите к матери, забираться, кулаку свой кулак покажи. Что? К чертовой матери! Беднота у Советской власти не век должна сиську дудолить, пора уж самим по свету ходить... (Донские рассказы).

Возможна замена компонента *чертова* более нейтральным эквивалентом – местоимением, причем такие обороты могут использоваться по отношению к хорошо знакомому человеку.

– Смотрел бы ты, сосед, за своим добром, на чужой баз глаза нечего пучить, а в об-чем, убирайся под разэтаку мать!.. (Тихий Дон).

Усиление экспрессии в отдельных случаях осуществляется путем отсылки собеседника с использованием предлога *под* в пространственном значении:

И телеграф застучал: «Новочеркасск атаману Краснову точка Катись под такую мать точка Фомин» (Тихий Дон).

Рассматриваемые устойчивые обороты могут употребляться в юмористическом контексте, что предопределяет использование смягченных, эвфемизированных компонентов.

– Ну и брешешь ты, Христоня! – не вытерпел Петро, улыбаясь и дергая ус.

– Чего «брешешь»? Пошел ты к тетери-ятери! (Тихий Дон). Сравн.: *тетеря* ‘глухой, или тупой, глупый, бестолковый человек’ (Даль 4, с. 403).

Таким образом, устойчивые словосочетания инвективного характера М. А. Шолохов достаточно активно использует для создания реалистичной картины напряженной жизни людей в переломную эпоху, для краткой и точной характеристики персонажей, для придания их речи убедительности и выразительности. Подобные обороты в ряде случаев включают в свой состав различные языковые средства, служащие для смягчения наиболее грубых и нецензурных элементов.

Abstract

The author considers unliterary set-phrases, invective word combinations from M. Sholokhov's works.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева, – М.: Сов. энциклопедия. 1990.
2. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н. И. Толстого. – Т. 1: А – Г. – М.: Межд. отн., 1995.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Т. 1 – 4. – М.: Русский язык, 1989 – 1991.
4. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
5. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Сов. энцикл., 1967.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 10.02.04